В. З. Завитневичъ.

Что слѣдуетъ понимать подъ такъ называемымъ „разрывомъ“ русскаго интеллигентнаго общества съ народомъ.

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова. Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1907.

В. З. Завитневичъ.

Что слѣдуетъ понимать подъ такъ называемымъ „разрывомъ“ русскаго интеллигентнаго общества съ народомъ.

Дублет
Гос. Публ. Б-ка
Обмен

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова. Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.

Оттискъ изъ журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“
1907 г., кн. 7.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
227
30

Что слѣдуетъ понимать подъ такъ называемымъ „разрывомъ“ русскаго интеллигентнаго общества съ народомъ.

Давно уже сознана та истина, что со времени реформъ Петра В. между передовымъ классомъ нашего общества и народной массой произошло разобщеніе, которое, постепенно усиливаясь, въ концѣ концовъ привело къ полному между ними „разрыву“. Въ наличности такого разрыва никто не сомнѣвается, а если бы такое сомнѣніе и появилось, его легко было бы разсѣять простымъ констатированіемъ той огромной разницы, какая въ наши дни замѣчается между жизнью народной массы, съ одной стороны, и такъ называемаго интеллигентнаго класса нашего общества—съ другой.

Другое дѣло, когда поднимается вопросъ объ истинномъ смыслѣ этого факта и объ его значеніи въ ходѣ нашего историческаго развитія. Въ рѣшеніи этого вопроса у насъ обнаружилось большое разногласіе. Дѣлу обыкновенно придается такая постановка. Исторія культуры всѣхъ народовъ свидѣтельствуетъ, что равномѣрное движеніе впередъ всѣхъ слоевъ народнаго организма невозможно, что всегда изъ народной массы выдѣлялся передовой классъ, который, высоко поднимаясь надъ толпою, бралъ на себя руководящую роль въ историческомъ прогрессѣ, служа какъ бы средоточіемъ прогрессирующаго народнаго сознанія. Широкое формальное развитіе логической мысли, обогащеніе положительнымъ знаніемъ, позаимствованнымъ извнѣ или самолично добытымъ, проникновеніе новыми религіозно-нравствен-

ными, философскими, общественными, художественными идеалами,—все это, какъ свидѣтельствуетъ исторія, можетъ обусловливать выдѣленіе изъ народной массы какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ, выдѣленіе, доходящее до полнаго непониманія ихъ тою средою, изъ которой они выдѣлились. Исторія богата примѣрами, иллюстрирующими эту мысль. Не говоря уже объ исключительной личности Іисуса Христа, распятаго современниками, достаточно вспомнить историческую судьбу такихъ двигателей человѣческаго прогресса, какъ, напримѣръ, Сократъ, Колумбъ, Галилей и имъ подобные. Но, отмѣтивъ фактъ почти полнаго непониманія такихъ дѣятелей ихъ современниками, поспѣшимъ напомнить, что распятый Христосъ побѣдилъ міръ, а неоцѣненнымъ по достоинству современниками Сократу, Колумбу, Галилею, ихъ потомки соорудили памятники. Ясно, что разрывъ передовыхъ дѣятелей съ окружающею средою, обусловливаемый неспособностью массы поспѣвать за движеніемъ впередъ натуръ исключительныхъ, есть лишь временное зло, которое устраняется по мѣрѣ проникновенія въ массу просвѣщенія. Что сказано объ отношеніи коснѣющей въ невѣжествѣ массы къ отдѣльнымъ передовымъ личностямъ, то же слѣдуетъ сказать и объ отношеніи ея къ цѣлому передовому классу общества, составляющему какъ бы головной мозгъ народнаго организма: практическое знаніе и идеи высшаго порядка, выработываемыя въ этой своего рода лабораторіи духа, со временемъ должны становиться достояніемъ всей народной массы, обусловливая ея просвѣтительное движеніе впередъ. Отсюда ясно, какъ долженъ съ этой точки зрѣнія рѣшаться вопросъ о пути къ уничтоженію разрыва, происшедшаго у насъ со времени Петра В. между верхнимъ слоемъ общества и народной массой: не общество должно опускаться до коснѣющаго въ невѣжествѣ народа, а народъ необходимо поднять на ту степень культурнаго развитія, на которой находится общество.

Не смотря на видимую простоту и естественность такого рѣшенія настоящаго вопроса, въ самой его постановкѣ есть однако нѣкоторый недосмотръ, требующій внимательнаго обслѣдованія. Право нашей интеллигенціи поднимать народную массу до уровня своего развитія или что то же ея право просвѣщать народъ по типу своего собственнаго просвѣщенія можетъ быть признано вполнѣ законнымъ лишь въ томъ случаѣ, если будетъ доказана доброкачественность тѣхъ просвѣтительныхъ началъ, въ духѣ которыхъ предполагается просвѣщать народную массу. Невѣжество великое зло и стократъ благословенъ будетъ тотъ день, когда тяготѣющая надъ Русской землею тьма разсѣется и ея необъятныя пространства озарятся наконецъ свѣтомъ просвѣщенія. Нѣтъ и не можетъ быть у насъ истинно образованнаго человѣка, который бы этого не сознавалъ и который бы къ этому не стремился. Все это, повидимому, ясно до очевидности. Но эта видимая ясность сразу затемняется, какъ только заходитъ рѣчь о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ просвѣщеніемъ и къ какой конечной цѣли оно должно вести народъ. Въ просвѣщеніи, понимаемомъ въ широкомъ смыслѣ слова, необходимо различать двѣ стороны: матеріальную культуру и духовное просвѣщеніе въ тѣсномъ смыслѣ слова. Относительно первой изъ нихъ въ наше время двухъ мнѣній не можетъ быть. Изучая при помощи положительныхъ наукъ законы внѣшней природы, матеріальная культура старается заставить послѣднюю служить интересамъ человѣка, создавая такимъ образомъ его внѣшнее благосостояніе. Успѣхи этой стороны современнаго просвѣщенія, т. е. того, что правильнѣе будетъ назвать образованностью, въ наши дни такъ велики и ея благотворное вліяніе на увеличеніе суммы человѣческаго блага такъ очевидно, что оспаривать ея положительное значеніе въ общемъ ходѣ человѣческаго прогресса было бы напраснымъ трудомъ. Ясно, что если имѣть въ виду эту сторону современнаго просвѣщенія, то

необходимо признать, что передовой классъ нашего общества, стоящій, по крайней мѣрѣ лучшею своею частію, на уровнѣ обще-европейской образованности, не только можетъ, но и обязанъ заботиться о поднятіи до своего уровня коснѣющія въ невѣжествѣ народныя массы и этимъ способствовать устраненію указаннаго разрыва между этими двумя частями нашего народнаго организма.

Иное дѣло, когда поднимается вопросъ о духовномъ просвѣщеніи въ точномъ смыслѣ слова, которое, развивая и просвѣтляя всѣ стороны человѣческаго духа, должно направлять человѣка, какъ разумно-нравственную личность, къ достиженію высшей цѣли его бытія. Просвѣщеніе въ этомъ смыслѣ слова не ограничивается лишь областью положительнаго знанія съ его практическимъ примѣненіемъ въ жизни. Развивая и просвѣтляя всѣ стороны души, оно устремляетъ человѣка въ міръ возвышенныхъ идеаловъ, ставитъ вопросъ о высшихъ задачахъ жизни и требуетъ отысканія путей и средствъ къ ихъ осуществленію. Воспитаніе въ духѣ истиннаго просвѣщенія должно вести къ образованію искреннихъ убѣжденій, которыя, покоясь на извѣстномъ, твердо-установленномъ началѣ, могли бы проникать все существо человѣка, направлять его умъ, сердце, волю, налагая печать на всю его жизнь, на всѣ его помыслы и стремленія. Въ такихъ именно убѣжденіяхъ общество и должно воспитывать народъ, если оно хочетъ взять на себя роль просвѣтителя. Но можетъ ли наше общество взять на себя такую серьезную и крайне отвѣтственную задачу, „когда оно само, выражаясь словами А. С. Хомякова, лишенное всякаго внутренняго убѣжденія, мѣняло и мѣняетъ безпрестранно свое собственное воспитаніе, и когда едва-ли не всякое десятилѣтіе могло бы благодарить Бога, что десятилѣтію протекшему не удалось никого воспитать“, и когда, добавимъ отъ себя, иногда даже въ одно и то же время оно дробилось и дробится на фракціи съ рѣзко противоположными. убѣжденіями

Какое, въ самомъ дѣлѣ, изъ пережитыхъ хотя бы въ теченіе одного XIX столѣтія направленій слѣдуетъ принять за норму въ дѣлѣ воспитанія народа? Воспитывать ли его въ духѣ идеалистовъ 40—50 годовъ, дѣлившихся на два рѣзко противоположныхъ лагеря—западниковъ и славянофиловъ, или, быть можетъ, въ духѣ позднѣйшаго грубаго меркантелизма, создавшаго типы Кроховъ, Вандвурмовъ и имъ подобныхъ дѣльцовъ? А вѣдь такихъ направленій, особенно въ позднѣйшее время, у насъ масса. Соберется кружокъ въ десятка два-три головъ, смотришь и создалось новое направленіе: въ одномъ мѣстѣ образовался культъ въ память покойнаго В. С. Соловьева, въ другомъ въ честь графа Л. Н. Толстого, въ третьемъ въ честь Максима Горькаго и т. д. Эта разрозненность общества, это дѣленіе и подраздѣленіе его на группы, это безпутное шатанье отъ направленія къ направленію показываетъ, что въ сферѣ интересовъ, хоть сколько-нибудь поднимающихся надъ мелочами обыденной жизни, у него нѣтъ ничего твердаго, прочно установившагося, словомъ, нѣтъ глубокихъ убѣжденій, а есть лишь темное сознаніе внутренней пустоты и естественное желаніе чѣмъ-нибудь заполнить ее. Убѣжденій же нѣтъ потому, что нѣтъ идеаловъ и нѣтъ условій, хоть сколько-нибудь благопріятствующихъ ихъ возникновенію. Возникновеніе идеала предполагаетъ наличность высокой идеи, перешедшей въ актъ воли, сопровождаемый горячимъ чувствомъ. Въ нашемъ же обществѣ не видно или почти не видно ни сильной мысли, которая могла бы плодить истинно высокіе идеи, ни крѣпости воли и жара сердца, безъ которыхъ невозможно твердое, искреннее убѣжденіе. Героизма убѣжденій у насъ хватаетъ только на отрицаніе и ломку, но его не видно тамъ, гдѣ нужно положительное творчество. Спрашивается: имѣетъ ли такое общество право брать на себя воспитаніе народа? Какое духовное благо могутъ дать народу тѣ люди, которые сами ничего не имѣютъ за душой? Не поведетъ-ли

такое воспитаніе къ разрушенію вѣковыхъ устоевъ народной жизни безъ замѣны ихъ чѣмъ-нибудь прочнымъ, твердымъ, въ чемъ нуждается и безъ чего не можетъ существовать глубокая душа нашего народа? Гдѣ историческій ростъ народнаго тѣла совершается органически изъ своихъ первооснов, гдѣ стволъ и вѣтви, выростая прямо изъ корней, питаются ихъ живительными соками, тамъ между образованнымъ классомъ и народной массой не можетъ быть коренного, принципіальнаго различія въ характерѣ просвѣщенія: это различіе ограничивается степенью и формою развитія, но не духомъ самыхъ его началъ, и во всякомъ случаѣ оно, не касаясь вѣковыхъ устоевъ народной жизни, никогда не ведетъ къ разрыву между обществомъ и народомъ: во что вѣритъ и на что молится народъ, то является святынею и для общества, съ тою лишь разницею, что вѣра образованнаго человѣка бываетъ болѣе просвѣтленною и чуждою предразсудковъ и суевѣрій, свойственныхъ невѣжеству. Разрывъ въ подобномъ смыслѣ возможенъ лишь подъ условіемъ серьезной, критической оцѣнки самыхъ началъ народной жизни. То обстоятельство, что наше общество остается безъ твердыхъ убѣжденій, безъ вѣры въ покоящійся на незыблемой основѣ идеалъ, при наличности таковыхъ у простого народа, несомнѣнно показываетъ, что разрывъ общества съ народомъ у насъ произошелъ не въ сферѣ внѣшнихъ формъ жизни, а касается ея первооснов. Если такъ, то естественно возникаетъ вопросъ: произведена ли серьезная, глубокая критическая оцѣнка этихъ первооснов, которая одна можетъ дать право на отрицательное отношеніе къ нимъ? Вѣдь такая оцѣнка предполагаетъ долгую мучительную внутреннюю работу.—Спрашивается: кѣмъ и когда продѣлана эта работа? Легко понять, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только исторія.

Начало разрыва общества съ народомъ, какъ сказано было, положено было въ эпоху реформъ Петра В., когда

собственно положено было и начало зарожденія общества въ новѣйшемъ смыслѣ слова. Вотъ почему, чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, необходимо уяснить историческія условія, при которыхъ совершался самый фактъ разрыва.

При самомъ бѣгломъ взглядѣ на ходъ нашей до-Петровской исторіи невольно бросается въ глаза слѣдующая характерная ея особенность. Горсть русскихъ людей, брошенныхъ на огромныхъ пространствахъ Восточно-европейской равнины, прежде чѣмъ отдаться культурной работѣ мирнаго человѣка, должна была выдержать многовѣковую борьбу съ сосѣдями, которая, наполняя всю нашу древнѣйшую исторію, требовала отъ нашихъ предковъ чрезмѣрнаго напряженія и духовныхъ силъ, и матеріальныхъ средствъ. Извѣстно, что наша исторія открывается порабощеніемъ Восточныхъ Славянъ—однихъ Варягами, другихъ—Хазарами. Затѣмъ послѣ временнаго проблеска политической свободы, когда однако же борьба со степью не прекращалась, наступаетъ періодъ страшнаго разгрома и порабощеніе Руси Татарами, при чемъ западная половина ея хотя и уцѣлѣла отъ татарскаго ига, но все же утратила политическую самобытность и попала въ условія, которыя, какъ потомъ оказалось, были не лучше татарскаго ига. Съ прекращеніемъ татарскаго ига Восточная Русь могла бы, казалось, вздохнуть свободнѣе; но возникшія на развалинахъ Золотой Орды, въ качествѣ ея злого наслѣдства, татарскія царства: Казанское, Астраханское и Крымское, дѣйствовавшія иногда за одно съ враждебными намъ западными сосѣдями, долго житья не давали Русской землѣ, а Крымское царство въ теченіе всего древняго періода нашей исторіи оставалось разбойничьимъ гнѣздомъ, высылавшимъ свои хищническія орды для разоренія нашего государства. Вся эта многовѣковая борьба, держа государство, особенно пограничныя его области, въ постоянной тревогѣ, сопровождалось разореніемъ страны

и выводомъ плѣнныхъ, цифры которыхъ иногда достигали огромныхъ размѣровъ. Вмѣстѣ съ этимъ, или вѣрнѣе вслѣдствіе этого, народъ страдаетъ отъ тяжелаго экономическаго гнета, который ведетъ къ естественному закрѣпощенію сельскаго населенія, далеко предупредившему закрѣпощеніе формально юридическое. Прибавимъ къ этому постоянные пожары, испепелявшіе иногда до тла цѣлые города, моръ народа, вызывавшійся голодомъ и эпидемическими болѣзнями, и мы живо нарисуемъ себѣ картину тѣхъ бѣдствій, которыя выносила наша многострадальная старая Русь. Всѣ эти бѣдствія, вызывавшіяся причинами политическими, соціально-экономическими и стихійными, разражались иногда такими явленіями, какъ смутное время, народные бунты, потрясавшіе весь государственно-общественный организмъ, угрожая разрушеніемъ самыхъ его первоосновъ.

Эти внѣшнія условія жизни нашего народа имѣли оромное вліяніе на выработку его внутренняго душевнаго строя. Современный намъ культурный человѣкъ подъ давленіемъ подобныхъ бѣдствій пришелъ бы къ отчаянному пессимизму. Свѣжесть стихійныхъ силъ въ юномъ народѣ спасла его отъ подобнаго отчаянія и поддерживала въ немъ надежду на лучшее будущее. Но понятно, что эта надежда покоилась на вѣрѣ не въ свои собственныя силы, ничтожество которыхъ, при всемъ ихъ напряженіи, не разъ было испытано, а на вѣрѣ въ силы высшія, сверхъестественныя, которыя, казалось, только и могутъ вывести человѣка изъ того гнетущаго, иногда совершенно безвыходнаго положенія, въ которое ставила его тяжелая дѣйствительность. Здѣсь одна изъ главныхъ причинъ той религіозности, которою характеризуется душевный строй древне-русскаго человѣка. Понятіе о силѣ этой религіозности не можетъ быть ослаблено ссылкой на *обрядовѣріе* древней Руси. Сильнаго развитія обрядовѣрія у нашихъ предковъ отрицать,

конечно, нельзя; но дѣло въ томъ, что обрядовѣріе обрядовѣрію рознь. Обрядовѣріе, напримѣръ, было у Римлянъ послѣднихъ временъ язычества, когда древнія народныя вѣрованія, такъ сказать, испарились, духъ улетѣлъ и остались лишь однѣ внѣшнія церемоніи, которыя продѣлывались безъ всякаго религіознаго чувства. Такого рода обрядовѣріе, естественное у народа культурно-зрѣлаго, сходившаго съ арены исторической жизни, совершенно немыслимо было у юнаго русскаго народа. И дѣствительно, у насъ за обрядами вездѣ проглядываетъ живая вѣра и искреннее чувство; не признавъ этого, мы не поймемъ того исключительнаго отношенія къ дѣламъ вѣры, которымъ несомнѣно отличалась наша старая Русь. Недостатокъ образованности мѣшалъ нашимъ предкамъ отчетливо различать предметы христіанской вѣры отъ предметовъ языческаго суевѣрія; но такое смѣшеніе столь различныхъ предметовъ отразилось на содержаніи вѣры, но не на ея силѣ и искренности. Горячая, глубокая вѣра русскаго человѣка проникала все его существе и, являясь руководствующимъ началомъ его жизни, охватывало весь его бытъ, налагая свой особый отпечатокъ на весь строй его жизни. Указанныя историческія условія жизни повлекли за собою развитіе и другой характерной черты въ душевномъ строѣ нашего народа. Всѣмъ извѣстна элементарная истина, что постоянный успѣхъ въ жизни поднимаетъ самочувствіе человѣка, воспитываетъ въ немъ самоувѣренность, самомнѣніе, гордость и другія подобныя свойства и качества души. Напротивъ, жизненныя неудачи, постоянныя бѣдствія, страданія развиваютъ качества противоположныя: самоуничиженіе, скромность, смиреніе. Не трудно понять, что при данныхъ жизненныхъ условіяхъ подъемъ внутренняго самочувствія у русскаго человѣка не могъ быть особенно высокъ. Сознаніе собственнаго безсилія, сопровождаемое вѣрою въ могущество высшей силы, заставило человѣка смиренно преклоняться передъ послѣдней и развивало въ немъ духъ самоуничиже-

нія, терпѣнія, кротости, смиренія. Блестящую иллюстрацію этой черты характера нашего народа представляетъ извѣстный литературный памятникъ XVII вѣка: „Исторія объ азовскомъ осадномъ сидѣніи донскихъ казаковъ“. Горсть казаковъ, число которыхъ при самомъ преувеличенномъ ихъ счетѣ не превышало и четырнадцати тысячъ, подвергается нападенію двѣсти сорока тысячъ Турецкой арміи, располагающей артиллеріей въ 100 пушекъ. Казаки совершаютъ чудеса храбрости, самой ничтожной доли которой достаточно для пышнаго превозношенія и самохваленія иного человѣка. И что же мы видимъ? Вся исторія объ азовскомъ сидѣніи проникнута самымъ искреннимъ смиреніемъ, переходящимъ иногда въ полное самоуничиженіе. Читая эту исторію можно подумать, что подвиги совершали не казаки своими руками, а высшая сила, исходившая отъ образовъ „Предтечева“ и „Николы Чудотворца“. Неравномѣрность силъ въ борьбѣ даетъ себя чувствовать, и приведенные въ изнеможеніе казаки, утративъ вѣру въ свои собственныя силы, ждутъ помощи только отъ вышняго Бога. И вотъ, „прибѣжимъ, бѣдные, къ своему помощнику, Предтечеву образу, предъ нимъ-свѣтомъ расплачемся слезами своими горькими: Государь-свѣтъ, помощникъ нашъ, Предтеча Христовъ, Іоаннъ! По твоему, свѣтову, изволенію разорили мы гнѣздо зміево, взяли Азовъ градъ, побили мы въ немъ всѣхъ христіанскихъ мучителей и идолослужителей. И твой-свѣтовъ домъ, Никола Чудотворецъ, очистили и украсили ваши чудотворные образа отъ своихъ грѣшныхъ, недостойныхъ рукъ. Безъ пѣнія у насъ по сѣ поры передъ вашими образы не бывало. Али мы васъ, свѣтовъ, чѣмъ прогнѣвили, что опять хощете итти въ руки бассурманскіе. На васъ мы, свѣтовъ, надѣялись: въ осадѣ сидѣли, оставя всѣхъ своихъ товарищевъ. А теперево отъ Турокъ видимъ впрямь смерть свою... Такое наше безсиліе: не можетъ въ

рукахъ своихъ никакого оружія держати: почитаемъ себя уже за мертвый трупъ"... Готовясь къ смерти, казаки, между прочимъ, держатъ „постъ и чистоту душевную". Положеніе, казалось бы, отчаянное; но русскіе люди не теряютъ надежды, потому что у нихъ искусные люди видѣли ясно, что отъ образа Ивана Предотечи, отъ суха древа, течаху многи слезы, аки струя: то мы вѣдаемъ, что стоитъ надъ нами милость Божія". И вотъ, надѣясь на эту высшую силу, собравшись съ своими послѣдними силами, казаки взяли „иконы чудотворныя, Предотечеву да Николину, да пошли съ ними противу бусурмановъ на вылазку; и милостію Божіею и молитвою Пречистыя Богородицы, и заступленіемъ небесныхъ силъ и помощію ихъ угодниковъ Предотечи Іоанна и Николы Чудотворца на вылазкѣ явно басурманъ побили и въ морѣ потопили".—Подвигъ совершенъ и подвигъ великій, истинно богатырскій, достойный великой славы. И казаки знаютъ, что ихъ подвигъ доставитъ славу; но кому? „Отъ нашея руки малые и отъ казачества вольнаго имъ бусурманамъ срамота стала вѣчная отъ всѣхъ земель, отъ царей и отъ королей, а нашему православному государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Россіи самодержцу, слава вѣчная во всѣ орды басурманскія, Персидскія и Еллинскія, а нашему атаману Науму Васильевичу и всему грозному войску Донскому слава вѣчная". А какова же будетъ слава тѣмъ „бѣднымъ остальцамъ", богатырскимъ подвигомъ которыхъ добыта другимъ эта вѣчная слава? Имъ эта слава не нужна; они о ней не думаютъ: „А мы, бѣдные остальцы—всего насъ осталось полчетверты тысячи, и тѣ всѣ переранены,—и взяли мы икону Іоанна Предотечи и Николы Чудотворца а мѣсто Азовское оставили, а сами пошли на свой тихій Донъ, и тамъ сотворили обитель Іоанна Предотечи, атамана поставили игуменомъ и въ монастырѣ учали жити и Богу молиться".

На ряду съ этимъ смиреніемъ и уничиженіемъ передъ высшею небесною силою, казаки обнаруживаютъ такое-же смиреніе, такое-же уничиженіе передъ высшимъ проявленіемъ человѣческой силы, силы государственности. Ихъ смиреніе, ихъ покорность въ этомъ отношеніи такъ велики, что они даже не протестуютъ сколько-нибудь рѣзко противъ того соціально-экономическаго гнета, который выбросилъ ихъ изъ нѣдръ государства и заставилъ ихъ скитаться „въ пустынѣ не проходней“. Турки, чтобы принудить казаковъ къ сдачѣ, запугиваютъ ихъ тѣмъ, что изъ Москвы не будетъ имъ выручки. На это казаки отвѣчаютъ: „И мы про то сами и безъ васъ, собакъ, вѣдаемъ, какіе мы на Руси въ государствѣ Московскомъ люди дорогіе, и чему мы тамъ надобны, очередь мы свою сами вѣдаемъ. А государство Московское многолюдное, велико и пространно; сіяетъ свѣтло посреди, паче всѣхъ иныхъ государствъ и ордъ басурманскихъ, Персидскихъ и Елинскихъ, аки въ небѣ солнце. А насъ на Руси не почитаютъ и за пса смердящаго. А бѣгаемъ мы съ того государства Московскаго, изъ работы вѣчныя, изъ холопства невольнаго, отъ бояръ и дворянъ государевыхъ; да здѣ прибѣгли и вселились въ пустынѣ непроходней: взираемъ на Христа Бога небеснаго. Кому объ насъ тамъ потужити?“ Въ послѣднихъ словахъ нельзя не замѣтить нѣкоторой жалобы на тотъ строй жизни, который заставлялъ людей бросать родное пепелище и безпріютно скитаться въ „пустынѣ непроходнѣй“. Но взятыя въ контекстѣ рѣчи, слова эти выражаютъ не чувство злобы и ненависти, какое питаетъ рабъ къ своему поработителю, а чувство какого-то благостнаго примиренія съ горькою дѣйствительностію, чувство того кроткаго смиренія, которое воспитываетъ въ душѣ долгій жизненный опытъ, пріучающій терпѣливо переносить всѣ невзгоды жизни. Жить въ государствѣ, при данныхъ условіяхъ, людямъ становится не въ моготу и они бросаютъ его; но они оставляютъ его не проклиная, а благословляя, а по-

этому оно и кажется имъ издали не темнымъ и мрачнымъ, а сіяющимъ „аки въ небѣ солнце, паче всѣхъ государствъ“; потому-то казаки такъ счастливы, что отъ подвига, совершеннаго ихъ слабыми руками, государю Русскому будетъ слава вѣчная. Въ душѣ, которая такъ думаетъ и такъ чувствуетъ, очевидно, нѣтъ мѣста для злопамятства: она знаетъ лишь всепрощающее забвеніе. И это понятно. Собственныя страданія воспитываютъ въ душѣ человѣка способность понимать страданіе другихъ людей и сочувствовать имъ. Здѣсь источникъ другой прекрасной черты характера нашего народа: состраданіе къ ближнему и братскаго доброжелательства, т. е. того, что, въ противоположность эгоизму, принято называть альтруизмомъ. Присмотрѣвшись къ этимъ прекраснымъ качествамъ души нашего народа, мы такъ съ ними свыклись, что часто не замѣчаемъ ихъ, а иногда даже расположены бываемъ отрицать ихъ. Но постороннему внимательному и безпристрастному наблюдателю они рѣзко бросаются въ глаза. Въ этомъ отношеніи любопытно впечатлѣніе, вынесенное изъ наблюденія надъ нашимъ народнымъ характеромъ извѣстнымъ англичаниномъ Вильямомъ Пальмеромъ. „Я былъ очень удивленъ, сознается онъ, въ первое время моего пребыванія въ Россіи, насколько значительнѣе народный характеръ (здѣсь) носитъ отпечатокъ смиренія, братской бодрожелательности, теплаго чувства и почитанія къ святымъ вещамъ и вѣрѣ, чѣмъ у насъ въ Англіи. Я зналъ и прежде, что насъ справедливо обвиняютъ въ гордости и эгоизмѣ, но раньше чѣмъ я увидѣлъ здѣсь противоположное, я не имѣлъ представленія о степени зла“. Тутъ невольно вспоминается отзывъ о Славянахъ знаменитаго Ренана, который, признавая появленіе Славянъ на первомъ планѣ міра „самымъ неожиданнымъ явленіемъ нашего вѣка“, выражаетъ увѣренность, что будущее откроетъ рядъ неожиданностей, хранящихся въ этомъ, какъ онъ выражается, „изумительномъ славянскомъ духѣ“, съ его пламенною вѣрою,

съ его глубокою проницательностію, съ его особеннымъ понятіемъ жизни и смерти, съ его потребностью мученичества, съ его жаждою идеализма, съ его упорнымъ оптимизмомъ, съ его непоколебимою вѣрою въ будущее человѣчества. Характеристика эта, насколько она касается русскаго народа, дѣлаетъ честь наблюдательности Ренана, и для вдумчиваго историка совершенно ясно, какъ создались эти типичныя особенности душевнаго строя русскаго человѣка. Вынужденный отъ самой колыбели своей больше страдать, чѣмъ наслаждаться, русскій народъ привыкъ въ этомъ горестномъ положеніи своемъ искать утѣшеніе въ вѣрѣ въ другую лучшую жизнь, гдѣ живетъ одна правда, гдѣ царствуетъ одна любовь. Здѣсь источникъ его оптимизма при печальной дѣйствительности, его своеобразнаго взгляда на жизнь и смерть, его высокаго идеализма, его горячей вѣры въ лучшее будущее. Такъ настроенная душа находила полное удовлетвореніе въ христіанствѣ съ его вѣрою въ возмездіе въ загробной жизни, съ его ученіемъ о вѣчномъ нравственномъ совершенствованіи въ иномъ лучшемъ мірѣ. Около этого основного пункта возникалъ цѣлый циклъ мыслей и чувствъ, на основѣ которыхъ должно было развиться свое особое просвѣщеніе съ своими особыми идеалами. Но исторія, давно привыкшая распоряжаться по своему, вдругъ круто измѣнила свой естественный ходъ и толкнула передовой классъ нашего общества на путь иного просвѣщенія, съ внѣшней стороны болѣе блестящаго, болѣе пышнаго, но построеннаго на новыхъ болѣе поверхностныхъ началахъ и поэтому менѣе гармонирующаго съ глубокими запросами души нашего народа. Это новое просвѣщеніе пришло къ намъ съ Запада.

Европейское просвѣщеніе, насколько оно было восполненіемъ недостающихъ сторонъ въ нашемъ собственномъ просвѣщеніи, было для насъ безусловно необходимо, что стало сознаваться у насъ довольно рано. Извѣстно, что стремленіе къ усвоенію технической стороны европейской образованно-

сти у насъ началось со времени Ивана III, а къ концу XVII вѣка оно приняло уже значительные размѣры и достигло значительныхъ результатовъ. Что касается другихъ сторонъ нашей культуры, то въ этомъ отношеніи мы сначала встрѣчаемся съ жалобами на старыя условія московской жизни, а затѣмъ и съ прямымъ стремленіемъ къ подражанію чужимъ формамъ. Такъ, напримѣръ, уже писатель конца XVI и начала XVII вѣка, князь Ив. Андреевичъ Хворостининъ, начитавшись латинскихъ книгъ, жаловался, что въ Москвѣ „все людъ глупый, жити... не съ кѣмъ"; а отношеніе къ московскимъ порядкамъ извѣстнаго Котошихина—фактъ общеизвѣстный. За развитіемъ недовольства своимъ, послѣдовало подражаніе чужому, которое къ концу царствованія Алексѣя Михайловича достигло такихъ размѣровъ, что понадобился особый именной указъ (1675 г.), которымъ всѣмъ придворнымъ чинамъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ повелѣвалось, чтобы они „иноземныхъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосъ у себя на головѣ не подстригали, а также платья, кафтановъ и шапокъ у себя (иноземныхъ) не носили и людямъ своимъ потому же носить не велѣли". Но не всѣ подражатели „иноземнымъ извычаямъ" останавливались только на шапкахъ и кафтанахъ. Были люди, которые глубже понимали сущность европейскаго просвѣщенія и въ своихъ преобразовательныхъ стремленіяхъ шли гораздо дальше. Имена Ордина-Нащокина и Артамона Матвѣева слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ нужно было останавливаться. Такъ постепенно готовилась Россія къ реформамъ Петра Великаго, который, ставъ на сторону меньшинства, все то, что прежде имѣло случайный и, такъ сказать, отрывочный характеръ, возвелъ въ постоянную норму и сталъ проводить съ свойственною ему желѣзною волею.

Большинство реформъ великаго преобразователя вызвано было неотложною нуждою времени и потому, не смотря на

полную безсистемность многихъ изъ нихъ, получило оправданіе исторіи. Это прежде всего слѣдуетъ сказать о всѣхъ его насажденіяхъ административныхъ, военныхъ, флотскихъ, финансовыхъ, промышленныхъ, техническихъ и др. Но всесторонній умъ геніальнаго преобразователя на этомъ не остановился. Выдѣливъ изъ русскаго народа верхній его слой, Петръ одѣлъ его въ европейскій костюмъ и, какъ принято выражаться, отдалъ его въ европейскую школу, строго на строго приказавъ ученикамъ во всемъ слушаться своихъ учителей. Обученіе русскихъ людей въ европейской школѣ принесло намъ не малую пользу. Знакомство съ европейскимъ образованіемъ, говоря вообще, внесло въ наше сознаніе новое содержаніе, расширило нашъ умственный кругозоръ и дало богатый матеріалъ для сравненія; а сравнительная дѣятельность мысли есть, какъ извѣстно, одно изъ коренныхъ условій всякаго умственнаго развитія. Но, что всего важнѣе, обучаясь въ европейской школѣ, мы мало по малу стали знакомиться съ методомъ положительныхъ наукъ, которыя по всей справедливости составляютъ гордость и славу западноевропейской образованности и которыхъ не доставало нашей старой Руси.—Но если вѣрно то, что ознакомленіе съ европейской образованностью ускорило наше собственное развитіе, то несомнѣнно и то, что порожденное реформами Петра и поддержанное его не блестящими продолжителями неразборчивое подражаніе Западу сопровождалось такими явленіями, которыя, при меньшей даровитости русскаго человѣка, могли-бы окончиться весьма печальными послѣдствіями. Объяснимся.

Между способностями человѣческаго духа, которыми обусловливается прогрессивное развитіе какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго народа, одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно принадлежитъ самостоятельности и неразлучно связанному съ нею дару иниціативы. Гдѣ нѣтъ этой способности, тамъ нѣтъ ни истиннаго творчества, ни истинно-прогрессивнаго движенія впередъ. Представимъ-же себѣ теперь

наше интеллигентное общество въ послѣ-реформенную эпоху. Съ силою неограниченной власти, подкрѣпленной желѣзною волею и высокимъ авторитетомъ генія, этому обществу указываютъ на Западъ и безъ всякихъ оговорокъ заявляютъ, что все западное хорошо, а все свое, что не сходно съ тамошнимъ, дурно. Принявъ къ свѣдѣнію эту пышную рекламу, русскій человѣкъ, уже нѣсколько знакомый съ Западомъ, хотѣлъ было собственнымъ умомъ поразмыслить, дѣйствительно-ли все чужое ужъ такъ безусловно хорошо, а все свое безусловно дурно: но богатырскій толчекъ извнѣ мгновенно выводитъ его изъ этого раздумья, и онъ стремглавъ, безъ оглядки, бросается туда, куда его толкнули. Наша сатирическая литература, начиная съ Кантемира, не разъ рисовала картины того слѣпого, безсмысленнаго, чисто рабскаго подражанія, какимъ отличалось русское общество XVIII вѣка и отъ котораго оно во многихъ отношеніяхъ и по сей день не освободилось. Но сущность зла заключается не въ томъ только, что русскій человѣкъ сталъ рядиться въ иноземный костюмъ и перенимать чужіе обычаи (хотя и это вопросъ не послѣдней важности), а въ томъ, такъ сказать, воспитывающемъ вліяніи, какое такой порядокъ вещей долженъ былъ оказать на развитіе нашихъ способностей и на наше народное самосознаніе. Подавленный частію дѣйствительнымъ, частію искусственно созданнымъ авторитетомъ Запада, не имѣя возможности почти ни въ чемъ, начиная отъ сооруженія своего жилища и оканчивая возвышенными философскими идеями, проявить собственную иниціативу, русскій передовой человѣкъ сталъ терять вѣру въ себя, въ творческую способность своихъ силъ и началъ приходить къ мысли, что ему суждено всегда тянуться на буксирѣ за Европой.

Конечно, творческія силы великаго народа можно только временно усыпить, но нельзя было ихъ уморить окончательно. И дѣйствительно, силы эти стали скоро пробуждаться. Вышедшій изъ народа великій Ломоносовъ насадилъ у насъ

науку и создалъ условія для ея свободнаго развитія, а позднѣе Пушкинъ, композиторъ Глинка и художникъ Ивановъ поставили наше искусство на путь самобытнаго творчества. Но въ главной струѣ теченія духовной жизни, т. е. тамъ, гдѣ рождаются и крѣпнутъ религіозно-нравственные и философскіе идеалы, удовлетворяющіе высшимъ потребностямъ духа, здѣсь наше общество осталось безплоднымъ. Въ этой области наше общество или обнаруживаетъ тупое равнодушіе ко всему тому, что выходитъ за предѣлы грубаго эпикуреизма или пробивается поверхностными идейками, на прокатъ взятыми изъ случайно подвернувшихся подъ руку книжекъ, идейками, которыя оно также легко мѣняетъ, какъ гоняющаяся за модами франтиха мѣняетъ свои костюмы. Понятно, что при такихъ условіяхъ у насъ не можетъ быть ни идеаловъ, удовлетворяющихъ высшимъ, благороднѣйшимъ потребностямъ души, ни глубокихъ убѣжденій, покоющихся на этихъ идеалахъ. И это понятно. Для образованія убѣжденій не достаточно лишь усвоенія одной логической мысли, какъ-бы она ни была значительна по своему содержанію; для этого необходимо, чтобы сухая логическая мысль согрѣлась чувствомъ и перешла въ актъ воли. Словомъ, убѣжденія не зараждаются въ воздухѣ, они органически связаны со всѣмъ душевнымъ строемъ человѣка и выростаютъ изъ него такъ, какъ стволъ растенія выростаетъ изъ его корней. Въ свою очередь душевный строй отдѣльной личности находится въ органической связи съ духовнымъ строемъ всего народнаго организма. Отдѣльная личность, равно какъ и всякая небольшая общественная группа, оторванная отъ всего общественнаго организма, перестаетъ питаться его живительными соками, начинаетъ чахнуть и страдать болѣзненнымъ худосочіемъ. Вотъ такимъ то болѣзненнымъ худосочіемъ и страдаетъ наше общество вслѣдствіе его разрыва съ народомъ. Чтобы глубже уяснить себѣ сущность этой болѣзни, необхо-

димо внимательнѣе вдуматься въ смыслъ того явленія, которое обыкновенно называется разрывомъ.

Раньше представлены характерныя особенности духовнаго строя русскаго народа, какъ онъ сложился въ до-Петровское время. Преобладающею чертою этого строя было, какъ мы видѣли, развитіе глубоко религіознаго чувства, со всѣми вытекающими изъ него потребностями и стремленіями. Эту особенность своего душевнаго строя русскій народъ мѣтко охарактеризовалъ двумя словами: „Святая Русь“. Это не то значитъ, что русскій народъ дѣйствительно считалъ себя святымъ, безгрѣшнымъ: такое самомнѣніе не могло имѣть мѣста тамъ, гдѣ преобладающею чертою народнаго характера было искреннее смиреніе, граничившее съ полнымъ самоуничиженіемъ. Нѣтъ, старая Русь называла себя Святою не въ смыслѣ безгрѣшности ея членовъ, а въ смыслѣ святости того идеала, который лелѣялъ въ своей душѣ русскій народъ и хранителемъ котораго, по его представленію, была Православная Церковь. Сущность этого идеала онъ видѣлъ въ смиренномъ подчиненіи грѣховной воли человѣка святѣйшей волѣ Божіей. Воплощеніе этого идеала онъ искалъ въ иноческихъ обителяхъ, за стѣнами которыхъ жили подвижники, эти плѣнявшіе его воображеніе новые богатыри; но это были богатыри не физической силы, спасавшіе Русскую землю отъ внѣшнихъ враговъ, а богатыри духа, представители силы нравственной, боровшіеся съ врагомъ внутреннимъ, посягавшимъ на внутреннюю чистоту души. Мало образованный, русскій народъ часто слабо помнилъ своихъ политическихъ, военныхъ и даже церковныхъ дѣятелей, но онъ ни на одно мгновеніе не забывалъ именъ преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, Сергія Радонежскаго, Савватія, Германа и Зосимы соловецкихъ, и цѣлаго сонма другихъ подвижниковъ, въ жизни и подвигахъ которыхъ онъ видѣлъ воплощеніе своего идеала, въ общеніи съ которыми онъ находилъ свою отраду, часто единственное утѣшеніе въ горь-

кія минуты своей многострадальной жизни. Эта связь нашего народа съ мѣстами подвиговъ его любимыхъ героевъ, какъ извѣстно, и по сей день сохранила всю свою жизненную силу, несмотря на противоположныя вѣянія, пытающіяся ослабить ее своимъ отрицательнымъ воздѣйствіемъ.

Религіознымъ вѣрованіямъ и чувствованіямъ русскаго народа соотвѣтствовалъ и весь его бытъ. Всякій народъ, какъ общественный организмъ, на каждой стадіи своего развитія имѣетъ свой особый бытъ, который служитъ внѣшней формой выраженія живущихъ въ немъ невидимыхъ и неосязаемыхъ началъ. Начала эти въ существѣ своемъ, при условіяхъ нормальнаго развитія народа, остаются неизмѣнными. Историческій прогрессъ состоитъ не въ замѣнѣ однихъ началъ жизни другими, имъ противоположными, а въ развитіи прежнихъ началъ путемъ пріисканія новыхъ формъ для ихъ болѣе широкаго, болѣе свободнаго проявленія сообразно съ новыми потребностями вѣчно прогрессирующей жизни. Посягнуть на начала жизни это значитъ извратить самую душу народа. пошатнуть устои его жизни и поставить его на путь случайностей и произвола, ибо никакая мораль, никакія искусственно придуманныя правовыя нормы не могутъ замѣнить того, что создано самой жизнію и съ чѣмъ сжилась человѣческая личность. Только естественный ростъ народнаго самосознанія, начинающаго критически относиться къ старымъ отжившимъ формамъ, даетъ законное право на отмѣну послѣднихъ и на замѣну ихъ новыми формами, но такими, которыя-бы не стояли въ противорѣчіи съ основными началами жизни. Основнымъ, руководящимъ началомъ древнерусской жизни была, какъ мы видѣли, религіозная вѣра, не отрицающая значенія разума, но не уступавшая ему первенствующей роли въ рѣшеніи высшихъ вопросовъ жизни и тѣмъ болѣе въ дѣлѣ установленія идеаловъ, опредѣляющихъ цѣль и смыслъ бытія человѣческой личности. Эта вѣра живая, искренняя, глубокая, проникала весь бытъ русскаго на-

рода, санкцировала всѣ мельчайшія формы его проявленія, всѣ свѣтлыя и темныя стороны его жизни съ ея суевѣріями и предразсудками. При нормальномъ ходѣ исторической эволюціи, съ увеличеніемъ положительнаго знанія, съ усиленіемъ формальнаго развитія и съ проникновеніемъ въ духъ ученія Христова, народная вѣра должна была постепенно очищаться отъ этихъ суевѣрій и предразсудковъ и, постепенно свѣтлѣя и проясняясь, приближаться къ своему евангельскому идеалу, ибо въ основѣ своей это была вѣра христіанская, хотя и затемненная остатками язычества и невѣжествомъ народа, еще не вышедшаго изъ младенческаго состоянія. Но какъ-бы далеко не шла эта очистительная работа, она никоимъ образомъ не должна была становиться работой разрушающей, посягающей на самое существо вѣры, какъ на такую силу жизни, на которой строился весь бытъ народа, которая давала послѣднему твердые, несокрушимые устои и на которой утверждались высшіе идеалы жизни. Эту очистительную и вмѣстѣ съ тѣмъ творческую работу долженъ былъ взять на себя высшій классъ народа, которому, какъ замѣчено было выше, всегда и вездѣ принадлежала передовая роль въ историческомъ прогрессѣ. Эту работу и взялъ на себя Петръ В. съ птенцами своего гнѣзда, но повелъ ее такъ, что въ концѣ концовъ изъ силы положительной, созидательной, она въ отношеніи къ старымъ устоемъ русской жизни стала силою отрицательной, разрушающей. Призванный исторіей къ обновленію отжившихъ формъ старой русской жизни, Петръ силою своего генія вѣрно угадалъ ея слабыя стороны, т. е. устарѣлость формъ государственнаго строя и сильную отсталость сравнительно съ Западной Европой въ дѣлѣ развитія науки и матеріальной культуры. Но какъ человѣкъ, не получившій въ молодости даже того образованія, какое можно было получить у себя дома, воспитанный сначала на улицѣ, а потомъ въ нѣмецкой слободѣ, пріютившей въ себѣ въ большинствѣ случаевъ отбросы европейскаго общества, страстный,

порывистый, упрямый въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли до фанатизма, Петръ не въ состояніи былъ отнестись къ поставленной ему исторіи великой задачѣ съ тою серьезностію и вдумчивостію, какой требовали ея сложность и трудность. Самое большое затрудненіе въ данномъ случаѣ состояло въ умѣніи разумно примирить вводимую новизну съ тѣмъ, что было цѣннаго въ уничтожаемой старинѣ. Вытекавшая отсюда задача не была совершенною новостью въ нашей исторіи. Аналогичное состояніе переживалъ русскій народъ при Святомъ Владимірѣ. Реформа, произведенная Владиміромъ, была глубже по своему замыслу, ибо она касалась, такъ сказать, самого существа народной души, перестраивая ея внутренній строй по идеалу, основанному на существенно новомъ началѣ жизни. И тѣмъ не менѣе Владиміръ съумѣлъ вводимую имъ новизну примирить съ дорогою для народа стариною. Лѣтописецъ, указавъ, какъ глубоко Владиміръ понялъ сущность христіанства, спѣшитъ замѣтить: „И живяше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдню“. Какъ бы въ награду за это, насажденная имъ Церковь причислила его къ лику святыхъ, а признательный народъ съ своей точки зрѣнія наименовалъ его ласковымъ словомъ „Красное Солнышко“. Совершенно съ другимъ явленіемъ встрѣчаемся при Петрѣ, который, прежде чѣмъ показать преимущество своей новизны, съ яростью фанатика набросился на ненавистную ему старину. Нѣсколько примѣровъ наглядно покажутъ намъ характеръ отношенія Петра къ вѣрованіямъ и чувствованіямъ своего народа. Русскій народъ, какъ мы видѣли, съ особымъ уваженіемъ относился къ монастырямъ. Петръ, оцѣнивая монастырскую молитву съ точки зрѣнія „прибыли“, объявилъ монаховъ тунеядцами, пытаясь превратить монастыри въ солдатскія казармы. Одною изъ высшихъ формъ добродѣтели русской народъ издстари считалъ милостыню; подъ тѣмъ предлогомъ, что милостыня можетъ разводить тунеядцевъ, Петръ запретилъ раздавать

милостыню, подвергая даже денежному штрафу того, кто бы протянулъ нищему руку помощи. Русскій народъ привыкъ чтить святыя иконы, особенно выдѣляя изъ нихъ иконы чудотворныя; Петръ, находя, что этимъ поддерживается суевѣріе въ народѣ, объявилъ противъ чудотворныхъ иконъ цѣлый походъ. Какъ подъ предлогомъ борьбы съ суевѣріемъ, такъ и по другимъ соображеніямъ, Петръ сдѣлалъ цѣлый рядъ такихъ распоряженій, которыя посягали часто на совершенно невинные и никому не вредные, но въ то же время очень дорогіе для народа, религіозные вѣрованія и обычаи. Приказано было, напримѣръ, разорять часовни, снимать съ иконъ оклады и привѣсы, прекратить хожденіе по улицамъ съ образами и св. водою, отмѣнять нѣкоторые крестные ходы и т. д. Народъ привыкъ относиться съ особымъ уваженіемъ къ первосвятителемъ церкви—патріархамъ; Петръ, какъ бы въ насмѣшку надъ этимъ чувствомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ старался профанировать и это званіе и эти чувства На ряду съ патріархомъ, народъ привыкъ чтить и своего царя, прилагаемый къ которому эпитетъ „благочестивѣйшій“ для русскаго человѣка не былъ пустымъ звукомъ. Петръ постарался насмѣяться и надъ этой святынею народа: „прежніе государи, жаловался народъ, по монастырямъ ѣздили, Богу молились, а нынѣшній государь только на Кокуй ѣздитъ“,—указывая этимъ на нескрываемое распутство Петра, бравируя которымъ, онъ какъ бы намѣренно разсѣевалъ тотъ ореолъ, которымъ народъ привыкъ окружать своего государя. Цѣльность воззрѣній, еще не разчлененная слабо развитымъ анализомъ мысли, позволяла русскому человѣку всѣ явленія своей жизни оцѣнивать съ точки зрѣнія преобладавшаго настроенія души, каковымъ, какъ мы знаемъ, было настроеніе религіозное. Съ этой точки зрѣнія оцѣнивались всѣ мельчайшія явленія народнаго быта, хотя бы они въ дѣйствительности не имѣли никакого отношенія къ религіозной вѣрѣ. Старые москвичи, напримѣръ, по тѣмъ же

побужденіямъ отказывали иновѣрцу въ правѣ получить благословеніе у православнаго духовнаго лица, по какимъ они не позволяли тому же иновѣрцу носить русское платье. Вѣра и народность въ представленіи народа до того сливались въ одно органическое цѣлое, что факты изъ народнаго быта казались внѣшними формами проявленія вѣры. Напримѣръ, вопросы о ношеніи бороды и формѣ платья, разсматриваемые нами со стороны внѣшняго удобства и самое большое—со стороны эстетической, старыми русскими людьми разсматривались съ точки зрѣнія религіозной. Мысль, что въ бородѣ заключается образъ Божій, старому русскому человѣку неказалось нелѣпостью. Слова „русскій“ и „православный“ были синонимами, и кто посягалъ на русскую народность, тотъ посягалъ и на православіе. Уже образованнѣйшіе изъ современниковъ Петра В. понимали, что единственнымъ вѣрнымъ средствомъ въ борьбѣ съ народными предразсудками и заблужденіями можетъ быть только школа и насаждаемое ею просвѣщеніе. Въ обществѣ, которое не доросло до пониманія различія между вѣрою и суевѣріемъ, посягать на суевѣріе это значитъ искоренять вѣру; а отъ вѣры искренне убѣжденные люди легко никогда не отказывались; не отказывались они и при Петрѣ В., тѣмъ болѣе, что его насильственныя мѣропріятія въ этой области не требовались сущностью его реформъ. Реформы Петра В., если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія творческой, въ существѣ своемъ, были довольно односторонними: онѣ почти не выходили за предѣлы того, что мы нынѣ называемъ матеріальной культурой съ ея техническими приспособленіями. А эта сторона европейской образованности достаточно была знакома до Петровской Руси, гдѣ она прекрасно мирилась съ формами народнаго быта. Прямо или косвенно иноземцы способствовали улучшенію у насъ военнаго дѣла, разработкѣ руды и открытію желѣзныхъ, чугунныхъ и мѣдныхъ заводовъ, на которыхъ изготовлялись са-

мые разнообразные предметы; иноземцы жгли золу и приготовляли поташъ; открывали заводы и фабрики кожевенные, бумажные, суконные, стеклянные, такъ что у насъ дома изготовлялись уже такіе предметы, какъ, напримѣръ, бархатъ, сукно, писчая бумага, стеклянная посуда и пр.; серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера изготовляли золотыя и серебряныя издѣлія на иноземный образецъ; въ Москвѣ появились часы; вліяніе иноземцевъ отразилось на рѣзьбѣ и живописи. Иноземцы способствовали улучшенію скотоводства и огородничества: въ Астрахани, напримѣръ, разведены были виноградники и выдѣлывалось вино; у насъ появились неизвѣстныя доселѣ садовыя и оранжерейныя растенія и т. д. Но что всего важнѣе, заключая договоры съ иноземцами, которые къ концу вѣка жили уже во многихъ русскихъ городахъ, правительство требовало, чтобы они „людей государевыхъ всякому дѣлу научали и никакого ремесла отъ нихъ не таили“. Покровительствуя такимъ образомъ насажденію иноземной культуры, прежніе московскіе государи, какъ бы слѣдуя примѣру св. Владиміра, и сами жили „по устроенью отьню и дѣдню“ и подданнымъ своимъ не мѣшали жить такъ же, находя, что иноземная образованность можетъ легко мириться съ основами исторически выработаннаго народнаго быта. Вотъ почему, когда явился такой государь, который, прежде чѣмъ открывать новые фабрики и заводы, сталъ брить бороды, урѣзывать кафтаны, обдирать оклады съ иконъ, разрушать часовни и т. д, т. е. безъ всякихъ серьезныхъ побужденій сталъ посягать на то, что успѣху его реформы не мѣшало, но что посягало на бытъ народа, на его свободу, честь и религіозную совѣсть, то народъ отнесся къ такому реформатору сначала съ удивленіемъ, а потомъ и совершенно отшатнулся отъ него: усумнившись въ его русскомъ происхожденіи, и въ его благочестіи, народъ объявилъ его „нѣмцемъ“ и „антихристомъ“. Такъ произошелъ разрывъ народа съ Петромъ въ той обла-

сти, которою особенно дорожили старые русскіе люди, т. е. въ области вѣры и народности. Кромѣ вѣры и народности была еще одна область, въ которой поддерживалась тѣсная связь старыхъ московскихъ государей съ народомъ: это область государственной жизни. Органомъ общенія царя съ народомъ въ древней Руси былъ высшій государственный Совѣтъ—Боярская Дума, которая въ случаѣ нужды расширялась въ цѣлый Земскій Соборъ. Не ограничивая юридически верховной власти государя, Земскій Соборъ былъ представительнымъ учрежденіемъ, черезъ которое доходили до государя народная мысль, народныя невзгоды, нужды и желанія и которое имѣло несомнѣнное реальное воздѣйствіе на волю государя, который, если не формально юридически, то морально не могъ не подчиняться его вліянію. Петръ поспѣшилъ порвать и эту послѣднюю связь съ народомъ, отлично понимая, что онъ ни въ чемъ не можетъ полагаться на людей, которые прямо отреклись отъ него. Превратившись изъ царя въ императора, онъ заявилъ, что императоръ это „есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отчетъ дать не долженъ“.

Такъ рѣшительно и рѣзко Петръ В. разорвалъ съ своимъ народомъ связь, которою такъ дорожили его предшественники. Но Петръ былъ не одинъ. Вокругъ него образовалась цѣлая „компанія“ его единомышленниковъ, которые его понимали, ему сочувствовали. Это были тѣ „новые люди“, которыхъ, по мнѣнію позднѣйшихъ цѣнителей, создалъ великій преобразователь Россіи. Эти новые люди и составили то зерно, изъ котораго выросла наша новая интеллигенція. Особенность этихъ людей прежде всего состояла въ томъ, что они, вслѣдъ за своимъ великимъ иниціаторомъ, огуломъ осудили весь древній бытъ русскаго народа, не разбирая въ немъ хорошаго отъ дурного. Всякое отрицаніе предполагаетъ начало, во имя котораго, сознательно или безсознательно, допускается фактъ отрицанія.

Русскій народъ, какъ мы видѣли, отстаивалъ свой бытъ во имя начала вѣры. Новые люди назвали эту вѣру суевѣріемъ и въ противовѣсъ ей выдвинули свое начало, начало разума, руководясь которымъ и стали отрицать чуть-ли не все достояніе многовѣковой исторіи. Насколько это отрицаніе касалось дѣйствительно народныхъ суевѣрій и предразсудковъ, оно было право; но въ томъ то и бѣда, что на этомъ дѣло не остановилось. Разумъ, понимаемый въ смыслѣ полноты силъ человѣческаго духа, не противорѣчитъ вѣрѣ, которая составляетъ его необходимый элементъ. Но не таковъ былъ тотъ разумъ, во имя котораго новые люди отрицали древне-русскій бытъ. Реформы Петра В. носили на себѣ характеръ грубо утилитарный; его насажденія, какъ сказано было, не шли дальше технической стороны матеріальной культуры и внѣшнихъ формъ государственности, а въ этой области доминирующая роль принадлежитъ не разуму, а собственно сухой разсудочной мысли, орудіе которой—анализъ, взятый самъ по себѣ, по отношенію къ вѣрѣ является силою разрушающею. Такимъ образомъ реформы Петра В., если ихъ разсматривать съ точки зрѣнія лежавшаго въ ихъ основаніи начала, отличались узкостью и односторонностью. Насколько онѣ служили восполненіемъ недостатковъ древне-русскаго быта, онѣ были безусловно необходимы и въ этомъ смыслѣ законны, но насколько онѣ были огульнымъ отрицаніемъ стараго русскаго быта вплоть до бороды и поддевки, онѣ были грубымъ насиліемъ надъ жизнью, попыткой втиснуть послѣднюю въ рамки, созданныя прихотью одного человѣка, и въ этомъ смыслѣ онѣ заслуживаютъ осужденія. Нужно помнить, что посягая на бытъ русскаго народа, Петръ В. старался замѣнить его формами не общечеловѣческаго быта, ибо такого быта нѣтъ, а формами быта другого народа, имѣвшаго то преимущество, что онъ былъ исторически старше и культурно-зрѣлѣе. Но все же главный недостатокъ Петров-

скихъ реформъ состоялъ въ томъ, что, отдавая исключительное предпочтеніе утилитарнымъ сторонамъ жизни, онѣ съуживали ея интересы, оставляя въ пренебреженіи благороднѣйшія потребности человѣческой души, которыя особенно дороги были русскому народу и на которыхъ утверждались его идеалы. Такая переоцѣнка старыхъ цѣнностей ставила созданную Петромъ новую породу людей на путь грубаго эпикуреизма съ его мелкими меркантильными интересами, съ его мѣщанскими идеалами. Итакъ, вмѣстѣ съ торжествомъ въ сферѣ теоретически-познавательной раціонализма, въ области практической жизни утверждался грубый матеріализмъ со всѣми его разнообразными проявленіями, превращающими человѣка въ мыслящее животное. Было бы большой ошибкой утверждать, что указанныя особенности новаго направленія вполнѣ сознавались Петромъ и его ближайшими современниками и что эти послѣдніе сразу порвали связь съ старымъ народнымъ бытомъ. Народный бытъ—это цѣлая духовная среда, изъ-подъ воздѣйствія которой не легко освободиться тому, кто въ ней родился и выросъ. Сила этой среды въ данномъ случаѣ обусловливалась не одной лишь инертностью массы, неспособной къ какимъ-бы то ни было перемѣнамъ, а и крѣпкими нравственными устоями, покоившимися на религіозной основѣ. Вотъ почему, чтобы сразу порвать связь съ такою средою, необходимо быть или великимъ нигилистомъ или мелкою душею. Петръ, если разсматривать его со стороны его отношенія къ старому русскому быту, былъ несомнѣнно величайшимъ нигилистомъ; но не таково было большинство его первыхъ послѣдователей: при всей своей даровитости въ большинствѣ случаевъ это были „низкія души“, которыя, по мѣткому выраженію А. С. Хомякова, „бросились съ жадностью по слѣдамъ Петра, рады-радехоньки тому, что освободились отъ тяжелыхъ требованій и нравственныхъ законовъ духа народнаго, что они, такъ сказать, могли расплясаться въ

Русскій постъ". Конечно, тутъ свою роль сыграла и та доля правды, которая заключалась въ протестѣ Петра противъ слабыхъ сторонъ стараго русскаго быта: она увлекала и многихъ лучшихъ людей, а потомъ мало-по-малу, житейскій соблазнъ увлекъ и весь верхній слой класса народнаго организма. Такому соблазну много способствовало слабое развитіе у насъ критической мысли: лучшія стороны своей жизни, при общемъ слабомъ развитіи народнаго самосознанія, мало сознавались, а внѣшній блескъ болѣе развитыхъ формъ чужой жизни слишкомъ рѣзко бросался въ глаза, чтобы имъ не увлечься, и русскіе люди потянулись къ нему такъ, какъ ночныя бабочки летятъ на внезапно вспыхнувшій среди общей темноты огонекъ.

Такъ совершился одинъ изъ величайшихъ актовъ въ исторической жизни нашего народа. Сущность этого акта состоитъ въ томъ, что верхній слой народнаго организма, оторвавшись отъ него, сталъ жить своею особенною жизнію, по своимъ, такъ сказать, особымъ законамъ. Продолжая кормиться на счетъ народа, онъ не могъ уже питаться соками его, какъ духовной сущности, подобно тому, какъ срубленное дерево уже не можетъ питаться соками своихъ корней. Этому разобщенію много способствовало политическое безправіе и соціальное порабощеніе народа.

Русскіе люди, организовавшись въ государство, выработали твердую власть, сила которой утверждалась на довѣріи ея представителя къ народу и на всегдашней готовности послѣдняго поддержать своего верховнаго вождя. Взаимное же довѣріе между царемъ и народомъ покоилось, въ свою очередь, на полномъ, если можно такъ выразиться, тожествѣ ихъ умственнаго и нравственнаго строя и на единствѣ политическихъ задачъ и стремленій: царь и народъ имѣли одну вѣру, одинъ бытъ, одинаково понимали то, въ чемъ заключалось благо страны и не имѣли побужденій расходиться во взглядѣ на пути къ его осуществленію. Надѣленный

полнотою власти, царь свой разумъ и свою совѣсть провѣрялъ путемъ непосредственнаго общенія съ разумомъ и совѣстью своего народа, голосъ котораго слышался и въ Боярской Думѣ, гдѣ по назначенію царя засѣдали лучшіе люди страны, и въ Земскомъ Соборѣ, составлявшемся изъ свободно выборныхъ отъ всѣхъ классовъ народа. Въ этихъ двухъ учрежденіяхъ до-Петровской Руси исторія намѣчала тѣ элементы, которые должны были лечь въ основу нашего будущаго государственнаго строя. Боярская Дума и Земскій Соборъ, превращенный въ постоянное учрежденіе, должны были стать двумя палатами, которыя вмѣстѣ съ самодержавной властію царя, должны были составить основной фундаментъ политическаго строя Русскаго государства, нашей самобытной конституціи. Сущность этой конституціи состояла въ томъ, что народъ, принимавшій въ прошломъ активное участіе въ созданіи своей гражданственности, не обрекался на безучастное отношеніе къ ея судьбѣ, не лишался права голоса въ рѣшеніи насущныхъ вопросовъ своей жизни, но въ то же время и не узурпировалъ правъ верховной власти, которыя самъ добровольно, съ полнымъ довѣріемъ передалъ своему верховному вождю. Такъ должно было случиться при естественномъ ходѣ исторической эволюціи; но не такъ случилось на дѣлѣ. Разорвавъ связь съ народомъ въ сферѣ быта, потерявъ довѣріе къ себѣ какъ реформаторъ, Петръ В. уже не могъ удержаться на почвѣ естественно историческаго движенія впередъ, а поэтому онъ не могъ явиться простымъ преобразователемъ въ смыслѣ улучшенія старыхъ формъ жизни, а неизбѣжно долженъ былъ выступить въ роли революціонера: уничтоживъ всѣ старо-русскія учрежденія до самодержавной власти включительно, онъ выдвинулъ принципъ тогдашняго европейскаго абсолютизма. Въ эпоху господства начала русскаго самодержавія, при встрѣчѣ съ серьзнымъ вопросомъ, представители власти разсуждали: „это дѣло великое для всего христіанства: государю нашему надобно совѣщаться объ немъ со всею

землею", и дѣйствительно такое дѣло рѣшалось „по государеву указу и соборному уложенію". Теперь съ провозглашеніемъ принципа абсолютизма, объявлено было, что „самовластный монархъ никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отчетъ дать не долженъ". Такъ рѣзко и грубо попранъ былъ соборный смыслъ народа: а самый народъ, вслѣдъ затѣмъ потерявъ всякую возможность отстаивать свои интересы, отданъ былъ въ рабство, скоро получившее оправданіе въ теоріи о бѣлой и черной кости. Послѣ этого, созданная Петромъ новая порода людей, причисляя себя къ бѣлой кости, уже безъ всякой задержки, могла двигаться въ направленіи, указанномъ ей великимъ преобразователемъ-революціонеромъ, чѣмъ дальше тѣмъ больше утрачивая способность сочувствовать не только внѣшнимъ формамъ быта, но и высшимъ идеаламъ и стремленіямъ народа, отъ котораго она оторвалась, но съ которымъ она когда-то составляла одно органическое цѣлое.

На ряду съ указанными, были и другія причины, увеличившія грань, раздѣлявшую эти двѣ части нашего народнаго организма.

Тутъ прежде всего необходимо отмѣтить фактъ наплыва къ намъ иноземцевъ, которые массою переходили въ Россію и, встрѣчая здѣсь гостепріимный пріемъ, удобно размѣщались то среди чиновной іерархіи, то въ роли коммерсантовъ, то въ видѣ домашнихъ учителей, принимая на себя роль воспитателей дворянскаго юношества. Считая себя носителями высшей культуры, они дѣйствительно иногда бывали истинными насадителями европейской образованности въ лучшемъ смыслѣ этого слова и вообще становились честными и полезными работниками въ своемъ новомъ отечествѣ. Но самые лучшіе изъ нихъ, какъ вышедшіе изъ среды, совершенно чуждой русскому народному духу, къ тому же гордые и своею породой и своею высшею цивили-

зацiей, они не могли смотрѣть на нашъ народъ иначе, какъ на простой этнографическiй матерiалъ, лишенный всякаго цѣннаго содержанiя и слѣдовательно не могли внушать другихъ понятiй высшему классу русскаго общества, съ которымъ они обыкновенно сливались. Они, по вѣрному выраженiю Михайловскаго-Данилевскаго, много знали, но ничего не чувствовали къ Россiи. Трудно подвести точный подсчетъ заграничнымъ выходцамъ, вошедшимъ путемъ обрусѣнiя въ составъ русскаго общества. Но что ихъ было много, объ этомъ свидѣтельствуетъ обилiе не русскихъ фамилiй среди нашего интеллигентнаго класса. Недаромъ теперь нѣмцы подсмѣиваются надъ нами, увѣряя, что Россiя вела войну съ японцами при помощи нѣмецкихъ генераловъ. Впрочемъ, для нашей цѣли точный статистическiй подсчетъ и не нуженъ. Для насъ достаточно вспомнить, что творилось у насъ на Руси при Аннѣ Ивановнѣ, Іоаннѣ Антоновичѣ, Петрѣ III, Павлѣ I, когда русскiе люди въ своей столицѣ чувствовали себя какъ бы на чужбинѣ, когда даже великiй Суворовъ, въ области своей спецiальности, не смѣлъ своего сужденiя имѣть. Были области, въ которыхъ иноземцы буквально царствовали: это особенно слѣдуетъ сказать о министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. „Россiя, говоритъ тотъ же Михайловскiй-Данилевскiй, являетъ единственный примѣръ въ мiрѣ, что дипломатическiй корпусъ ея состоитъ большею частiю изъ иностранцевъ. Не всѣмъ имъ извѣстенъ нашъ языкъ и немногiе были изъ нихъ въ Россiи далѣе Петербурга. Сосчитавъ по адресъ-календарю нынѣшняго (1815) года всѣхъ чиновниковъ, употребленныхъ Россiею въ извѣстныхъ посольствахъ, я нашелъ, что ихъ 73 человѣка, между которыми только пятнадцать русскихъ именъ. Фуль, Поццо, Капо, Тейль—вотъ странный подборъ именъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ посланниковъ... Даже нѣтъ надежды, чтобы въ нашъ вѣкъ мѣста нашихъ министровъ при чужеземныхъ дворахъ были заняты настоящими русскими,

по той причинѣ, что молодые люди, служащіе при различныхъ посольствахъ и, слѣдовательно, готовящіеся современемъ заступить высшія дипломатическія степени, происходятъ изъ фамилій иностранныхъ, частію изъ остзейскихъ губерній, частію изъ поселившихся въ Петербургѣ въ теченіе XVIII столѣтія. Этотъ классъ людей получаетъ обыкновенно хорошее воспитаніе, но основанное на космополитическихъ правилахъ. Они много знаютъ о Россіи, но ничего не чувствуютъ къ Россіи. Умъ ихъ и память обогащены познаніями, но душа ихъ и сердце не напитаны истинною любовью къ отечеству, привязанностію къ престолу и уваженіемъ къ русскимъ нравамъ и обычаямъ". Изъ шести нашихъ уполномоченныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, только одинъ графъ Разумовскій былъ природнымъ русскимъ, „да и тотъ, по выраженію К. Н. Шильдера, отъ Россіи почти отрекся". Остальные были всѣ иностранцы: Нельсероде родомъ изъ Лиссабона, Стакельбергъ—лифляндецъ, Анстетъ—эльзасецъ, Поццо до Борго—корсиканецъ, графъ Каподистрія—корфіотъ. Были моменты, когда разныя общественныя теченія и политическія бури на западѣ выбрасывали на русскій берегъ цѣлые экипажи бѣглецовъ и изгнанниковъ, и мы бережно подбирали ихъ и давали у себя самый гостепріимный пріемъ. Таковы гонимые у себя дома рыцари орденовъ іезуитскаго и мальтійскаго, таковы политическіе эмигранты великой французской революціи. Но былъ у насъ особый классъ иноземцевъ, которые буквально кишмя кишѣли у насъ: это гувернеры и гувернантки, которыхъ зажиточныя семьи старались набрать числомъ по больше, цѣною по дешевле. Между ними были, конечно, люди образованные, вполнѣ подготовленные къ выполненію взятой на себя задачи. Но много было и такихъ, которые у себя на родинѣ не пошли бы дальше парикмахерскихъ, кучерскихъ, лакейскихъ, швейныхъ, прачешныхъ: у насъ же имъ отводилось почетное мѣсто въ дѣтскихъ, гдѣ они

служили своего рода фильтрами, проходя черезъ которые, дѣтскія души очищались отъ всего русскаго, народнаго. Тутъ невольно вспоминается слѣдующее мѣсто изъ воспоминаній извѣстнаго археолога Сахарова: „Благодарю Господа, что надъ моею головою не работала ни одна французская тварь, пишетъ онъ съ нервнымъ раздраженіемъ. Горжусь, что вокругъ меня не было ни одного нѣмецкаго бродяги. Я не преклонялся ни передъ однимъ сапожникомъ французомъ и не принималъ отъ него наставленій, какъ презирать отца и мать, какъ ненавидѣть родину, какъ расточать состояніе отцовъ и дѣдовъ". Признаемъ, что краски здѣсь сгущены, что факты представлены въ утрированномъ видѣ; но наличность самаго факта трудно отрицать, и во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы всѣ эти господа Вральманы и Трике обоихъ половъ, въ глазахъ которыхъ даже русскія народныя пѣсни считались неприличными для дѣтей высшаго круга, могли внушать своимъ питомцамъ любовь и уваженіе къ родинѣ, тѣмъ болѣе, что самая родная рѣчь для дѣтей высшаго круга признавалась неприличной. Наконецъ, мы не должны забывать воздѣйствія на нашу интеллигенцію нѣкоторыхъ изъ нашихъ инородцевъ. Воодушевляемые горячею любовію ко всему своему родному, сплотившись въ кагалы и союзы, построенные на началѣ народности, они, разсчитывая на отсутствіе всякихъ устоевъ среди нашей интеллигенціи, особенно молодежи, на всѣхъ путяхъ и перепутьяхъ кричатъ во всеуслышаніе, что идея народности отжила свой вѣкъ и сдана въ архивъ, что быть патріотомъ—это значитъ сантиментальничать, что проливать кровь за честь и цѣлость родины некультурно и т. д. Не трудно понять, куда направляются всѣ эти рѣчи: цѣль этой проповѣди—до конца расшатать и безъ того разслабленный руководящій классъ нашего народнаго организма съ тѣмъ, чтобы интересы своей народности поправить на счетъ интересовъ русскаго народа. Послѣднія событія показали, что

эта проповѣдь не осталась безплодною. Но была область, въ которой, казалось бы, объединеніе высшихъ классовъ съ народомъ должно было-бы остаться во всей своей полнотѣ и неприкосновенности. Это область Церкви, у которой, какъ извѣстно, есть своя мѣрка для оцѣнки достоинства человѣческой личности и поэтому въ ея лонѣ не можетъ быть того дѣленія и подраздѣленія людей на группы и классы, съ какимъ встрѣчаемся въ обыкновенномъ человѣческомъ обществѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что эта область жизни больше чѣмъ какая-нибудь другая подверглась воздѣйствію реформъ Петра Великаго. Начало раціонализма такъ властно выступившее уже въ моментъ зарожденія новой Россіи, потомъ, подъ воздѣйствіемъ европейской литературы и особенно философіи, давало о себѣ знать все сильнѣе и сильнѣе. Начало это, не умѣряемое воздѣйствіемъ другихъ началъ, и проведенное послѣдовательно до конца, въ своемъ конечномъ выводѣ непремѣнно должно привести къ полному нигилизму, но къ нигилизму всеобщему, отрицающему не только всѣ основы личной и общественной жизни, но всякое бытіе. Симптомы проявленія такого нигилизма у насъ можно замѣтить среди молодежи 50-хъ и особенно 60-хъ годовъ. Къ счастію въ дѣйствительной жизни, на практикѣ, такой нигилизмъ во всей своей полнотѣ едва-ли возможенъ, онъ возможенъ только въ теоріи, въ философскихъ системахъ. Даже Базаровъ Тургенева, несмотря на настойчивое подчеркиваніе своего нигилизма, все-же кое во что вѣрилъ, иначе онъ не сталъ, хотя-бы, напримѣръ, рѣзать лягушекъ. Въ частности, въ области насъ интересующей, въ области религіозной, на практикѣ нигилизмъ рѣдко доходитъ до полнаго принципіальнаго отрицанія того, что служитъ предметомъ вѣры: онъ обыкновенно останавливается на полпути и проявляется въ формѣ индеферентизма, который удобенъ тѣмъ, что не требуетъ отъ человѣка ни сильной, часто мучительной работы мысли, ни глубокаго движенія чувствъ, ни нравствен-

наго подвига и вообще позволяетъ безразлично относиться ко всему тому, что заставляетъ личность держаться въ постоянномъ напряженіи, что, слѣдовательно, стѣсняетъ ея произволъ. Въ такомъ именно состояніи религіознаго безразличія и оказался высшій, считающій себя образованнымъ, классъ нашего общества, тогда какъ весь народъ продолжалъ хранить хотя и темную, но живую, и искреннюю вѣру. Понятно, что общеніе между этими двумя не равными половинами народнаго организма въ этой области возможно было только внѣшнее, формальное. Интеллигенція смотрѣла на народъ свысока, видя въ немъ только гнѣздилище невѣжества, суевѣрія и предразсудковъ: народъ, находившій въ вѣрѣ истинный смыслъ жизни, относился къ интеллигенціи съ недовѣріемъ, видя въ ней людей, пренебрежительно или даже враждебно относившихся ко всему тому, что онъ считаетъ самымъ дорогимъ, самымъ святымъ для себя. Какъ далеко шло разобщеніе и взаимное непониманіе между интеллигенціей и народомъ въ этой сферѣ жизни, можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Извѣстно, что среди интеллигентной молодежи 60-хъ и 70-хъ годовъ развилось стремленіе идти въ народъ для его просвѣщенія. Бѣдные знаніемъ, не имѣя за душею ничего истинно цѣннаго, чтобы они могли предложить народу, люди эти первую свою задачу видѣли въ искорененіи суевѣрія, подъ которымъ понимали религіозную вѣру вообще и ученіе Церкви въ частности. Въ одной изъ поволжскихъ губерній, одна такая юная просвѣтительница, явившись въ деревню, стала пропагандировать среди крестьянъ невѣріе и насмѣхаться надъ священными предметами. Познакомившись съ духомъ ея проповѣди, крестьяне, собравшись на сходку, подумали-погадали и постановили высѣчь ее за богохульство и кощунство лозами и выпроводить изъ деревни. Полагаемъ, что фактъ этотъ, отмѣченный въ свое время печатью, не нуждается въ комментаріяхъ.

Таковы въ общихъ чертахъ исторія и смыслъ того явленія, которое принято называть *разрывомъ* нашей интеллигенціи съ народомъ. Слѣдствія этого печальнаго явленія для нашей общенародной жизни очень велики. Оно прежде всего обусловливало темноту и невѣжество нашего народа, которыя, къ стыду нашему, во всей своей силѣ даютъ о себѣ знать и въ наши дни. Фактъ этотъ не можетъ быть признанъ случайнымъ. Причина его въ этомъ именно указанномъ нами отношеніи между интеллигенціей и народомъ. Эта мысль особенно мѣтко выражена гр. Л. Н. Толстымъ въ слѣдующихъ словахъ его бесѣды съ г. Романовымъ (Русскій листокъ). „Мужика будетъ учить „интеллигентъ“, тотъ интеллигентъ, у котораго вѣра съ безвѣріемъ, надежда съ отчаяніемъ, повиновеніе съ сопротивленіемъ чередуются попеременно. Что можетъ дать такой человѣкъ-учитель человѣку, знающему дѣйствительную жизнь, трудовую, а не безсодержательную, пустую, интеллигентную. Вѣдь всякій трудъ, трудъ упорный, необходимый для человѣческой жизни, которымъ живетъ мужикъ, заставляетъ человѣка вѣрить, надѣяться и повиноваться, повиноваться высшей силѣ, сотворившей человѣка, а кто вѣритъ, надѣется, повинуется—у того есть основаніе жизни и твердая почва подъ ногами. Интеллигенція-же чувствуетъ подъ собою трясину, она не знаетъ, чѣмъ живетъ, не знаетъ къ чему стремится, у нея бѣдной, нѣтъ идеала въ жизни, она слишкомъ легкомысленна и бездарна“. Могло-ли у такой интеллигенціи явиться желаніе учить народъ; а если-бы оно и явилось, то чему-бы она могла его научить? Но особенно выпукло отрицательная сторона этого факта проявилась въ жизни высшаго класса нашего общества. Тутъ прежде всего кстати отмѣтить фактъ, подчеркнутый въ наши дни печатью. Важность переживаемаго теперь нашимъ отечествомъ момента естественно заставляетъ ожидать, что для рѣшенія сложныхъ и трудныхъ задачъ жизни нашъ культурный классъ выдвинетъ изъ себя если не геніи-

евъ, то во всякомъ случаѣ рядъ крупныхъ дарованій, которыя въ состояніи были-бы бодро и умѣло повести жизнь впередъ. И что-же мы видимъ? Люди, не зараженные оптимизмомъ, съ ужасомъ отмѣчаютъ фактъ, что въ той сферѣ, въ которой мы въ правѣ были-бы ожидать проявленія силы дарованія, царствуетъ почти полная бездарность. Конечно, тутъ не послѣднюю роль сыграла та система, путемъ которой выдвигаются впередъ наши государственные дѣятели. Но едва-ли можно серьезно оспаривать и то положеніе, что главная причина зла въ данномъ случаѣ заключается почти въ полной невозможности для высшаго класса нашего общества обновиться свѣжими стихійными силами своего народа. Составляя лишь ничтожную часть всего его состава, духовно-оторванная отъ него, а потому лишенная возможности пользоваться всѣмъ тѣмъ богатствомъ, которое въ формѣ еще не сознанной и не проявленной, но могучей силы хранится въ нѣдрахъ его духа, наша интеллигенція выродилась, обезсилѣла, измельчала и сдѣлалась рѣшительно неспособною на что-нибудь крупное, великое. Сильная однѣми теоретическими умствованіями, не опирающимися ни на какіе устои, балансируя, такъ сказать, въ воздухѣ безъ твердой почвы подъ ногами, безъ идеаловъ, безъ вѣры, безъ любви, она, предоставленная самой себѣ, не способна ни къ какому истинному творчеству. Неудивительно, поэтому, что всѣ потуги ея въ этомъ отношеніи въ результатѣ давали и даютъ одинъ пустоцвѣтъ. Чтобы эта мысль не показалась голословною, необходимо вспомнить, какую роль въ исторіи нашего культурнаго возрожденія играли люди, выходившіе или прямо изъ народа, или изъ такого класса, который непосредственно примыкаетъ къ народу. Не говоря уже о несравненномъ Ломоносовѣ, вспомнимъ такихъ крупныхъ историческихъ дѣятелей, какъ въ области государствовѣдѣнія—Сперанскій, въ области исторіи—Погодинъ и Соловьевъ, въ области математики—Лобачевскій, въ области литературной критики—

Надеждинъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ. Любопытно, что даже такая аристократическая, казалось-бы, область творчества, какъ художественная литература и она въ числѣ своихъ первыхъ піонеровъ указываетъ Гоголя, по дѣду поповича. Не говоримъ уже о томъ, что всѣ наши корифеи литературы, напр., Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, тутъ-же можно вспомнить композитора Глинку и др., только тогда стали проявлять во всемъ своемъ блескѣ силу своихъ дарованій, когда соприкасались съ народной стихіей, когда, такъ сказать, окунались въ струи народнаго духа. Тутъ невольно вспоминаются слова Тургенева, произнесенныя устами Лежнева, одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ „Рудинъ“: „внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ физіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица, только пошлое лицо возможно безъ физіономіи. Космополитъ-чепуха, космополизмъ—нуль, хуже нуля... Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ: но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ: двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится“. Наша исторія даетъ немало фактовъ, иллюстрирующихъ эту мысль великаго писателя. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна судьба извѣстнаго западника С. П. Боткина. Этотъ человѣкъ когда-то считавшій „большимъ несчастьемъ“, что родился въ Россіи, которая казалась ему страною, населенною „звѣроподобною пародіей на людей“, въ своей погонѣ за европеизмомъ дошелъ до того, что жизнь—какъ выражается онъ въ письмѣ къ другу своему Огареву—казалась ему пустымъ полемъ, покрытымъ посохшей травой, надъ которымъ носится смерть, какъ самый отрадный другъ. „Страшно Огаревъ, такое состояніе. Я томился, чувствуя на себѣ какія-то тяжкія и неумолимыя оковы: мнѣ было душно и въ душѣ никакихъ потребностей, никакой вѣры, никакой надежды“. Наша-же исторія указываетъ намъ и тотъ путь, какимъ люди выходили изъ этого страшнаго состоянія, въ

какое заводило ихъ отреченіе отъ своей народности. Въ этомъ случаѣ особенно поучителенъ примѣръ знаменитаго эмигранта А. И. Герцена. „Начавши съ крика радости при переѣздѣ за границу,—сознается онъ,—я окончилъ моимъ духовнымъ возвращеніемъ на родину. Вѣра въ Россію спасла меня на краю нравственной погибели... За эту вѣру въ нее, за это исцѣленіе—благодарю я мою родину. Увидимся-ли, нѣтъ-ли—но чувство любви къ ней проводитъ меня до могилы". Самъ Герценъ объясняетъ намъ, въ чемъ именно заключается тайна его духовнаго возрожденія, воспламенившая въ его холодномъ сердцѣ неугасаемый огонь любви къ родинѣ. Она, по его словамъ, заключается въ „той внутренней, не вполнѣ сознанной силѣ, которая чудесно сохранила русскій народъ подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкой бюрократіи, подъ восточнымъ татарскимъ кнутомъ и подъ западными капральскими полками",—въ той „внутренней силѣ, которая сохранила прекрасныя и открытыя черты и живой умъ нашего крестьянина подъ унизительнымъ гнетомъ крѣпостного состоянія,—которая на царскій призывъ образованія отвѣтила черезъ сто лѣтъ колоссальнымъ явленіемъ Пушкина, въ той, наконецъ, силѣ вѣры въ себя, которая живетъ въ нашей груди"... Другой нашъ знаменитый мыслитель, А. С. Хомяковъ, называетъ эту силу духовнымъ закономъ, проявившимся въ исторической жизни русскаго народа. Для пріобщенія къ этой силѣ онъ требуетъ отъ интеллигенціи возстановленія порванной связи съ народомъ: „принадлежать народу значитъ, по его словамъ, съ полною и разумною волею сознавать и любить нравственный и духовный законъ, проявившійся въ его историческомъ развитіи". Именно законъ, а не форму его проявленія, ибо только законъ вѣченъ, а форма измѣнчива.

Вопросъ лишь въ томъ, какъ достигнуть этого. Вѣдь одного только желанія полюбить еще недостаточно для того, чтобы любовь стала дѣйствительнымъ фактомъ. Мы видѣли,

какъ справился съ этой задачей Герценъ. Несмотря на свое отрицательное отношеніе къ Россіи, какъ государству, онъ никогда не переставалъ любить свой народъ. Объ этомъ онъ не разъ свидѣтельствовалъ. Вотъ почему, когда разочаровавшись въ западѣ, онъ обратился къ Россіи, таившаяся въ его груди искра любви къ русскому народу разгорѣлась въ цѣлое пламя; любовь породила вѣру, послѣдняя создала надежду и находившійся на краю нравственной погибели западникъ, по его собственному сознанію, спасенъ былъ вѣрою въ ту самую Россію, отъ которой онъ временно отрекся было. Герценъ открываетъ намъ и то основаніе, на которомъ покоилась его вѣра въ русскій народъ: этимъ основаніемъ была проявленная послѣднимъ мощная внутренняя сила, которая помогла ему не только уцѣлѣть въ продолженіе всей многострадальной исторіи, но и сохранить живой умъ и прекрасныя открытыя черты своего характера, и когда пришла пора, эта же внутренняя сила проявилась колоссальнымъ явленіемъ Пушкина

Въ этой аттестаціи, выданной Герценомъ русскому народу, не смотря на ея хвалебный тонъ, все же слышится голосъ человѣка, гордаго своимъ европейскимъ образованіемъ, человѣка, для котораго нашъ народъ не что иное, какъ прекрасный этнографическій матеріалъ, но и только. Учиться у него интеллигентному человѣку нечему, о „нравственномъ и духовномъ законѣ“, который, по Хомякову, долженъ стать нормой жизни для всѣхъ русскихъ людей, образованныхъ и необразованныхъ, тутъ нѣтъ и помину. И это понятно. Герценъ могъ любить свой народъ за многія симпатичныя черты его характера, но его нигилизмъ въ области вѣры мѣшалъ ему полюбить тотъ именно духовный законъ, который всегда составлялъ главную двигательную силу его жизни.

Гораздо правильнѣе и глубже подошелъ къ этому вопросу гр. Л. Н. Толстой въ романѣ „Анна Каренина“, въ мастерскомъ анализѣ душевнаго строя одного изъ героевъ

этого романа Левина. Ломая голову надъ разрѣшеніемъ высшихъ вопросовъ жизни, Левинъ испытывалъ „мучительный разладъ съ самимъ собою, и напрягалъ всѣ душевныя силы, чтобы выдти изъ него. Терзавшія его мысли“ томили и мучили его то слабѣе, то сильнѣе, но никогда не покидали его. Онъ читалъ и думалъ, и, чѣмъ больше онъ читалъ и думалъ, тѣмъ дальше чувствовалъ себя отъ преслѣдуемой цѣли.—Въ послѣднее время въ Москвѣ и въ деревнѣ, убѣдившись, что у матеріалистовъ онъ не найдетъ отвѣта, онъ перечиталъ и вновь прочелъ и Платона, и Спинозу, и Канта, и Шиллера, и Гегеля, и Шопенгаура, тѣхъ философовъ, которые не матеріалистически объясняли жизнь“. Но ни эти, ни другія, прочитанныя имъ потомъ книги, не вывели его изъ томившаго его мучительнаго разлада, а, напротивъ, привели его въ полное отчаяніе: „Безъ знанія того, что я такое и зачѣмъ я здѣсь, говорилъ себѣ Левинъ,—нельзя жить. А знать я этого не могу, слѣдовательно, нельзя жить“. Дальше этого идти некуда.

Когда, такимъ образомъ, Левинъ, подобно Герцену, стоялъ „на краю нравственной погибели“, спасителемъ его явился мужикъ Ѳеодоръ, состоявшій у Левина подавальщикомъ при молотилкѣ. Ѳеодоръ былъ изъ той деревни, въ которой Левинъ отдавалъ землю въ наймы дворнику Кириллову. Разговаривая съ Ѳеодоромъ объ этой землѣ, Левинъ спросилъ, не возьметъ ли землю на будущій годъ Платонъ, богатый и хорошій мужикъ той же деревни. Цѣна дорога, Платону не выручить, Константинъ Дмитричъ, отвѣчалъ мужикъ, выбирая колосья изъ потной пазухи.—Да какъ же ее Кириловъ выручаетъ?—Митюхѣ (такъ презрительно назвалъ мужикъ дворника), Константинъ Дмитричъ, какъ не выручить. Этотъ нажметъ, да свое выберетъ. Онъ христіанина не пожалѣетъ. А дядя Ѳоканычъ (такъ онъ звалъ старика Платона) развѣ станетъ драть шкуру съ человѣка. Гдѣ въ долгъ, гдѣ и спуститъ. Анъ и не доберетъ. Тоже человѣ-

комъ.—Да зачѣмъ же онъ будетъ спускать?—Да такъ значитъ—люди разные, одинъ человѣкъ только для нужды своей живетъ, хоть бы Митюха, только брюхо набиваетъ, а Ѳоканычъ—правдивый старикъ. Онъ для души живетъ, Бога помнитъ.—Какъ для души живетъ, какъ Бога помнитъ, почти вскрикнулъ Левинъ.—Извѣстно какъ, по правдѣ, по—Божью. Вѣдь люди разные. Вотъ хоть васъ взять, тоже не обидите человѣка... при словахъ мужика о томъ, что Ѳоканычъ живетъ для души, по правдѣ, по—Божью, неясныя, но значительныя мысли толпою какъ будто вырывались откуда-то изъ-заперти, и всѣ, стремясь къ одной цѣли, закружились въ его головѣ, ослѣпляя его своимъ свѣтомъ.

Эти мысли, работая въ разъ принятомъ направленіи, произвели въ Левинѣ своего рода чудо. Мысль Ѳеодора, что нужно жить по правдѣ, по-Божьему, не для брюха, а для души, произвела въ немъ цѣлый переворотъ. Онъ прежде всего увидѣлъ, что теперь, наконецъ, понялъ истинный смыслъ жизни и что до этого онъ дошелъ не разумомъ, а что истина эта дана ему готовою вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ и съ цѣлыми милліонами другихъ людей. Теперь онъ понялъ и причину мучившаго его разлада. Причина эта заключалась въ противорѣчіи между жизнію и мыслію: „онъ жилъ (не сознавая этого) тѣми духовными истинами, которыя онъ всосалъ съ молокомъ, а думалъ,—не только не признавая этихъ истинъ, но старательно обходя ихъ“. Мысль, что нужно жить по правдѣ, по-Божью, и была та самая истина, которую онъ всосалъ съ молокомъ и которую мужикъ Ѳеодоръ ему только напомнилъ. Изъ другого источника онъ ее получить не могъ. „Откуда взялъ я это.“ Спрашивалъ себя Левинъ. „Разумомъ, что-ли дошелъ я до того, что надо любить ближняго и не душить его. Мнѣ сказали это въ дѣтствѣ, и я радостно повѣрилъ, потому что мнѣ сказали то, что было у меня въ душѣ. А кто открылъ это. Не разумъ. Разумъ открылъ борьбу за существованіе и законъ, тре-

бующій того, чтобы душить всѣхъ, мѣшающихъ удовольствію моихъ желаній. Это выводъ разума. А любить другого не могъ открыть разумъ, потому что это неразумно.—„Да, настаивалъ Левинъ, „то, что я знаю, я знаю не разумомъ, а это дано мнѣ, открыто мнѣ, и я знаю это сердцемъ, вѣрую въ то главное, что исповѣдуетъ церковь“. Этотъ выводъ своею неожиданностію поразилъ Левина. „Неужели это вѣра“? Подумалъ онъ, боясь вѣрить своему счастію. Боже мой! благодарю Тебя“, проговорилъ онъ, проглатывая поднимавшіяся рыданія и вытирая обѣими руками слезы, которыми полны были его глаза“.

Итакъ, оторванный отъ народа раціонализмомъ, Левинъ возвратился къ нему вѣрою, и въ то же время освободился отъ того мучительнаго разлада, который, выражаясь языкомъ Герцена, поставилъ его „на край нравственной погибели“.

ИОТЕКА
СТВЕННОЙ-
АКАДЕМІИ